

Алексей Феофилактович Писемский. Питерщик

Рассказ

Книга: А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 2
Издательство "Правда" биб-ка "Огонек", Москва, 1959
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 19 июля 2002 года

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Чухломский уезд резко отличается, например, от Нерехтского, Кинешемского, Юрьевецкого и других*, - это вы заметите, въехавши в первую его деревню. Положительно можно сказать, что в каждой из них вам кинется в глаза большой дом, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, бог весть для чего устроенными, потому что на них ниоткуда нет выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которых иногда попадаются довольно странные предметы, именно: летящая слава с трубой; счастье, вертящееся на колесе, с завязанными глазами; амур какого-то особенного темного цвета, и проч. Если таких домов два или три, то прихоти в украшениях еще более усиливаются, как будто домохозяева стараются перещеголять в этом случае один другого; и когда вы, проезжая летом деревню, спросите попавшуюся вам навстречу бабу: "Чей это, голубушка, дом?", - она вам сначала учтиво поклонится и наверно скажет: "Богачей, сударь". - "А этот другой чей?" - "А это других богачей". Произношение женщины{213}, без сомнения, обратит на себя ваше внимание: представьте себе московское наречие несколько на а и усильте его до невероятной степени, так что, говоря на нем, надобно, как и для английского языка, делать гримасу. Я сказал, что вы встретите женщину, на том основании, что летом вы уж, конечно, не увидите ни одного мужика, а если и проташитесь по перегородке какой-нибудь, в нитяной поневе, нечесаный и в разбитых лаптях, то вы, вероятно, догадаетесь, что это работник, - и это действительно работник и непременно леменец**.

* Костромской губернии. (Прим автора.)

** Вологодской губернии волость. (Прим. автора.)

Зима - другое дело; зимой мужиков много появляется. У Богоявления, что на горе, с которой видно на тридцать верст кругом, в крещение храмовой праздник: с раннего еще утра стоят кругом всей ограды лошади в пошевнях. Такой нарядной сбруи я в других местах нигде и не видывал. На узде, например, навязано по крайней мере с десятков бубенцов, на шлее медный набор сплошь - весом в полпуда, а дуга, по золотому фону расписана розанами. Войдите в церковь: народ стоит удивительно чистый, лица умные, благообразные, на всех почти синие кафтаны; а вон наперед стоят одна лисья и две енотовые шубы - это-то и есть самые богачи: они из Терентьева, да их и много; вон в синем кафтане, рублей по восемнадцати сукно, - это из Овсянова; заезжайте к нему в гости: уверяю, что без цимлянского не уедете! В серой поддевке, рыжая борода, тоже богач из Маслова, одним словом, очень много, всех не перечтешь!

Дело в том, что весь тамошний народ ходит на чужую сторону, то есть в Москву или в Петербург; а есть и такие, которые забираются и в Гельсингфорс и даже в Одессу и промышляют там: по столярному, стекольному, слесарному мастерству. Очень трудной работы - каменной, плотничной, кузнечной - чухломец не любит.

Жизнь почти каждого из них проходит одним обычным порядком: приходит к барину крестьянка - полустаруха.

- Что скажешь, Михайловна? - спрашивает тот.

- К вам, сударь, - парнишку с анофревским Веденеем Иванычем стоворила.